

РОМАН С КАРТОШКОЙ

«Лопушок» Анатолия Азольского в «Новом мире»

Независимая газета. — 1998. — 10 сент. — с. 7

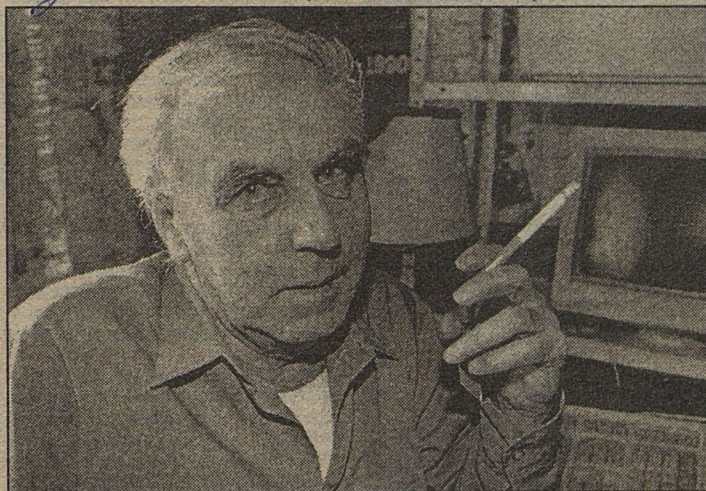
Мария Ремизова

С НАЧАЛА «Новому миру» повезло: Букеровская премия прошлого года досталась его автору — Анатолию Азольскому. Премированный роман «Клетка» («НМ» № 5, 6, 1996) — вещь не без недостатков, главный из которых — неизживаемое противоречие, сплошь пронизывающее текст, поскольку единство и борьба противоположностей — авантюрной и философской линий — приводят не к диалектическому развитию, а к нарушению художественного единства.

Потом «Новому миру» повезло еще больше. Следующая повесть лауреата «Облдрамтеатр», которая снова появилась в этом журнале («НМ» № 11, 1997) да еще, точно праздничный пирог, подгадала к самому Букеровскому банкету, оказалась вещью во всех отношениях достойной, явно перегнавшей в отношении художественных достоинств увещанную регалиями сестру. «Облдрамтеатр» оказался *проще* прежде всего в том, что касается сюжетных наворотов (хотя некоторая избыточность имеет место и тут), а также общей экзотики. Эта повесть послужила как бы неким дополнительным аргументом к утверждению лауреатства, данным к тому же столь к месту.

И вот тесные объятия Азольского с «Новым миром» дают новый плод — малоформатный роман «Лопушок», публикуемый в № 8 (1998). Можно было надеяться, что «Лопушок» окажется не хуже предыдущей повести. Однако случилось иначе. Вместо того чтобы повести свое новое детище по пути «Облдрамтеатра», автор направил его в русло, проложенное «Клеткой», усугубив в нем ее самые слабые стороны. Если «Клетку» соблазнительно было упрекать в эклектичности, то при чтении «Лопушка» возникает уже мысль о хаосе: столь странный конгломерат подробностей предлагает здесь Азольский.

Сюжет, казалось бы, проще некуда — герой, родившийся в провинциальном городке, обнаруживает редкую, тягу к отвлеченной науке и блестящие таланты в технике. Уезжает в Москву, оканчивает институт, становится известным ученым и, наконец, академиком. Однако все не так просто. Смысл жизни героя с кокетливым прозвищем Лопушок составляет картошка, точнее, ее философский эквивалент, составляющий как бы метафизическую основу России. В утилитар-

Анатолий Азольский.
Фото Артема Житенева (НГ-фото)

ном смысле все сводится к тому, что картошка есть основной продукт, благодаря которому русский человек умудрялся выжить в революцию, в войну, далее везде... А поскольку герой — человек технический, то мысль его устремлена на техническое же усовершенствование сельскохозяйственного процесса.

К цели своей жизни герой идет путем, мягко говоря, непрямым. Во-первых, обретает друзей — братьев Мустыгиных (которые на самом деле не только не братья, но даже и не Мустыгины, однако предпочитают именовать именно так. Для чего — автор не поясняет, но это всего лишь капля в море немотивированных деталей «Лопушка»). Мустыгины занимают какой-то полулегальный и очень выгодный деятельностью, связанной, с одной стороны, с какими-то техническими вещами, вроде ремонта электронной аппаратуры, а с другой — составляя всевозможные досье на все мало-мальски значительные фигуры — сначала СССР, потом Америки и Европы. Эти фальшивые братья испытывают необычайное, но оттого не менее трепетное почтение к герою и чувствуют себя постоянно ему обязанными и потому на протяжении всего повествования играют роль фольклорных персонажей типа «двое из сумы», снабжая героя всем — от денег и женщин до информации — и вообще выполняя для него всякого рода мелкие и крупные услуги. Редкое бескорыстие, если учесть, что читателю так и не докопаться до причин, побуждающих корыстных Мустыгиных столь беззаветно служить не только совершенно бесполезному, но еще во многих случаях и прямо вредоносному для них Лопушку.

Во-вторых, Лопушок всеми си-

лами (вплоть до неудавшегося взрыва деревенской котельной) пытается отстоять (напрасно, ничего у него не выйдет) прогрессивный картофелеуборочный комбайн, который на горе себе сконструировал изобретатель-самоучка в противовес внедряемому государством техническому уроду. Тут следует философское отступление — идея такова, что государство (социалистическое) намеренно глушит техническую мысль, способную породить изобилие, потому что в изобилии, точно иголка в кашеевом яйце, скрывается гибель социализма. Социализм, по мысли автора, нужен лишь там, где всего не хватает и потому возможно поощрительное распределение. Не самое глубокое откровение общественно-политической мысли. Социализму столь малоубедительная критика что слону дробина. К тому же павший режим можно без труда обвинить в настоящих и очень существенных грехах. Для чего же возводить на него такую смешную напраслину?

В-третьих, герой читает и собирает в особую каморку книги, и с какого-то момента из этой каморки с ним начинает беседовать Мировой дух, очевидно, развившийся на этом питательном субстрате. Дух невербализованно требует от героя решительных действий для повышения урожайности картошки.

Странное дело, технический гений сам почему-то ничего в столь желанной ему области картофелеуборочных машин не изобретает (зато с ходу конструирует генераторы, мешающие злонамеренному государству подслушивать его разговоры в пользу картошки, и прочие столь необходимые ему сложнейшие приспособления), зато с невероятными уси-

лиями разыскивает еще одного деревенского Левшу с новым гениальным комбайном (попутно ему, правда, приходится мистически — опять мистически! — убить путем авиакатастрофы братьев Мустыгиных и реально, своими руками, — некую злостную Галину Леонидовну, ненавидящую все живое по причине своей абсолютной фригидности — комбайн для Лопушка все равно как живой). И обзрев своими глазами картофелеуборочное чудо, обманом убедить наконец неискушенного поселенина закопать его изобретение в землю — иначе, мол, случится атомная война, — дабы не проводили о нем враги и не погубили бы в изобретателе искру Мирового духа.

Попутно Азольский сообщает массу всякого рода не относящихся к делу подробностей, в частности касательно половой жизни героя. Сюжет мечется, точно хлебнувшая валериановых каплей кошка, тьется к литературному воплощению живописного супрематизма, когда хорошеют цветными вытесняет и подменяет собой целое. Читатель мечется в замешательстве — за какую сюжетную нить держаться? Лихо оборванные автором, они то и дело бессмысленно повисают у него в руках, отчего он чувствует себя изрядным дураком. Зато другие, показавшиеся ему незначительными обрывками, вдруг выныривают с какой-нибудь яркой бусиной, чтобы снова кануть в небытие, и поди догадайся, зачем была эта бусина и зачем так быстро пропала?

Все это тянуло бы на хорошую пародию, если бы уместилось хотя бы в двадцатистраничный объем. Шутка не может быть долгой, иначе она превращается в нештучную пытку. Если же все это всерьез — картошка вещь, конечно, хорошая, и, например, еще много лет назад в «Заставе Ильича» один из персонажей произносил целую оду, посвященную ей, — однако что-то подсказывает мне, что никакая любовь к картошке не заставит читателя всерьез сопереживать фигурствующему аполлогу картофелеуборочных комбайнов. Не может этого быть, потому что этого не может быть никогда. И прежде всего потому, что автор сам ему не сопереживает. А отчего так? Да оттого, что он взял и все это из головы выдумал. И сам хорошо об этом знает. И ни на секунду не верит, что вся эта история могла быть. А он не верит, не верим и мы — таковы законы художественной реальности, и с ними ничего поделать нельзя, будь ты хоть трижды Букеровским кавалером.